

На нашу думку, одним із яскравих взірців мужності думки і духу у сучасному теоретичному європейському просторі є ідея Жюльє Дельоза, зокрема в частині осмислення якості і змісту суспільства, в якому ми живемо. Йдеться про його теорію суспільств, яку він представляє, з посиланням на Фуко, у вигляді типів суспільств, які змінили одне одне: суспільства суверенітету, дисциплінарні суспільства і суспільства контролю. Відлік свого часу суспільства контролю розпочали після закінчення Другої світової війни.

У кожного із цих типів суспільств свої символи і свої боги, а при цьому і свій тип людини: нас – людей-боржників не можна порівняти з людьми-ув'язненими, яких формували дисциплінарні простори. Кожний із цих типів суспільства використовував засоби для свого о-предметного існування. Право як раз і належить до тих засобів, які використовуються у суспільстві для підтримки стабільності і рівноваги, але правове є рівним саме собі у різних суспільствах. Попри значно виражений консервативний характер, право змушене змінюватися, щоб уберегтися, зберегтися і продовжити своє існування. Все це супроводжується гігантською ідеологічною роботою, яка обґрунтовує, переконує, бомбує, нав'язливо виправдовуючи такий стан речей. У суверенних суспільствах право забезпечує збір податків і справедливість винесення вироків, у дисциплінарних просторах – управляє виробництвом і керує життям, а у суспільствах контролю –

У дисциплінарних суспільствах значну роль відіграють засоби індивідуалізації особи: документ, який вказує соціальну позицію кожного індивіда та особистий підпис. Суспільствам контролю більше не потрібні документи та особистий підпис – вистачає коду. Усім нам знайома ситуація, коли десятки цифр достатньо для того, щоб уся інформація про конкретну особу була відома. До таких кодів та засобів контролю відносяться і пронумеровані кредитні, дисконтні картки, страховий поліс тощо. На сьогодні не потрібно винаходити яскраві та однозначні знаки індивідуалізації – цифри, порядковий номер, присвоєний кожному з народження, виконують ці функції.

СЕКЦІЯ 2: МЕТОДОЛОГІЧНІ ТА ПРАВОВІ ПРОБЛЕМИ ПРАВА

ПРАВОВАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Бесчастный В.Н.,

ректор Донецкого юридического института МВД Украины, доктор наук по государственному управлению, профессор, заслуженный юрист Украины

Гребеньков Г.В.,

начальник кафедры психологии и социологии Донецкого юридического института МВД Украины, доктор философских наук, профессор

Сегодня, когда право объективно находится в центре обсуждения общественно значимых проблем, лишь подчеркивает тот факт, что потребность в теоретическом осмыслении и проникновении во все возможные аспекты и, более того, сущность этого социокультурного феномена, все еще остается не до конца удовлетворенной.

За последние двадцать лет, которые ознаменовались не только радикальными социально-экономическими и политическими преобразованиями, но и сменой интеллектуальных парадигм, теоретически описывающих эти изменения, отечественная юридическая мысль, активно участвуя в этом процессе, пытается также переосмыслить свои мировоззренческие предпосылки, свой методологический инструментарий,

картину мира права, доставшуюся нам от советского прошлого, те онтологические схемы правовой реальности, которые столь активно заимствовались из-за рубежа в 90-е годы XX столетия, т.е. все то, что всегда было и остается предметом философской рефлексии и философского знания [1].

Интеллектуальная «переоценка ценностей» как внутри правознания, так и в системе инструментального права сопряжена не только с критикой, но и поиском новых методологических ресурсов постановки и решения теоретических проблем, обеспечивающих перспективу обнаружения новых граней и свойств права, а также возвратом к истокам – переосмыслению исходных, субстанциальных по своей сущности и фундаментальных, а следовательно, философских по своей природе проблем правознания, связанных с прояснением того, что есть право как феномен социального бытия, каковы его истоки и сущность, природа и источники, субъекты-носители и архитектоника, каковы принципы и основополагающие идеи права, историко-цивилизационная феноменология, способы и формы проявленности права в культуре, способы «присутствия» права в сознании, и глубже, в психологии социума и личности, каковы генезис и историческая логика становления и развития права и, наконец, каковы те способы интеллектуального осмысления этого социального феномена, которые аутентичны его природе и, следовательно, максимально приближают нас к инструментальному применению результатов исследования в сфере так называемого «позитивного» права.

Нынешнее «усиление» гносеологической и эвристической интенции в этом плане определяется и поддерживается господствующей в рамках политически провозглашенной и идеологически поддерживаемой аксиомы о том, что государственная власть должна иметь своей конечной целью содействие человеку, обеспечение его экзистенциального существования и максимального развития его индивидуальных способностей и личностных притязаний, поскольку человеческое измерение права становится своеобразной призмой, через которую должны преломляться все законодательные нормы, правовые идеи и концепции, постольку крайне необходимым становится не просто заимствование из уже имеющихся в философии (философской антропологии) учений о человеке и приспособление их под правовую проблему, но, скорее, создание на базе фундаментального философского знания о *homo sapiens*, философско-правового учения о *homo iudicis*. Сколь сложен этот процесс, очевидно поймет тот, кто, во-первых, знает ситуацию в самой современной философской антропологии с ее огромным, дискурсивным по своему состоянию интеллектуальным пространством, где нет ни устойчивых концептов, ни достаточно общепринятых конвенциональных категорий и идей, которые бы не оспаривались представителями различных направлений и течений в философской антропологии. И ничего здесь не поделаешь; такова природа философского знания, – отличное от научного, – развиваться в границах отсутствия общепринятого верифицированного инструментария (о чем мечтали позитивисты – от сторонников «Венского кружка до К. Поппера»).

Сознательный выбор антропоцентрического принципа в качестве эпистемологического регулятива, а значит гносеологической ценности в исследовании права, радикально меняет постановку и решение многих традиционных проблем, вплоть до понятийного оформления предмета исследования. Ведь самым большим пороком позитивизма в теории права, господствовавшего в эпоху «советского права», особенно наглядным на фоне традиционных и современных западноевропейских правовых систем, является предельная абстрактность в толковании фундаментального «начала» права – человека, парциальность и фрагментарность в понимании и описании его

правового бытия, подмена поиска реальных причин трансформации права абстрактными рассуждениями о классовой природе движущих сил правовой действительности. И платой за такую методологическую установку стала не только далеко зашедшая специализация отраслей позитивного права, но главное – в праве перестал реально присутствовать и осуществлять правовое бытие действительный, а не выдуманный и облеченный в эфемерные теоретические абстракции типа «субъект права», «физическое лицо», «юридическое лицо», человек юридический. А такой реально только и есть, со своими, присущими ему как социокультурному существу страстями, желаниями, потребностями, социальным опытом, сознанием, системой личностных ценностных установок, характером, социальными ролями, социальным статусом, личностным смыслом жизни и судьбой. Именно такой человек – а другого и быть не может, – подлинно и живет в праве как имманентной его природе и сущности среде социального бытия. Человек предопределен быть, существовать, экзистировать в праве, иначе он не может быть социокультурным, а следовательно и правовым человеком, быть правовым существом, homo juridicus.

Наметившаяся и получившая в последние десять лет свое развитие тенденция по формированию так называемой дисциплины «юридическая антропология» или «антропология права» в правоведении, как ответ на антропологический ренессанс в социально-гуманитарном знании, проблемы, обозначенные выше нами, хотя и затрагивает, но не решает. Затрагивает в том, что антропология права всецело признает и основывается на ценностном подходе как методологии исследования в современном правовом знании и познании. Не решает, потому что «антропологию права интересует другое, а именно изменения в правовом бытии человека про мере усложнения социальной организации общества и способов управления социумом» [2]. Это «копание» в древней, новой и новейшей истории требуется для того, чтобы выяснить, какие исторические формы нормативного регулирования современного государство, задыхающееся под тяжестью своих законов, может без особого ущерба для своего суверенитета вернуть гражданскому обществу и тем самым разгрузить свой административный и судебный аппарат, а какие отжили безвозвратно [2, с. 139].

«Юридическая антропология изучает правовое бытие человека на всех стадиях развития этого бытия, от архаических до современных», – пишет А.Ковлер [2, с. 23]. А это значит, что правовая антропология (юридическая антропология) – это не столько проблема становления «правового существа», сколько проблема социокультурной эволюции человека как рода в праве, что, собственно, суть предмет социологии и этносоциологии права (или правовой этнологии).

Предметом же «правовой персонологии» становится решение иных задач: создание интегральной концепции человека юридического. А значит речь идет об исследовании, включающем в свой корпус, по крайней мере, проблемы, говоря словами известного немецкого философа и юриста XIX века Н. Гартмана того, как происходит «врастание индивида в объективный правовой дух народа». Далее, предметом правовой персонологии должно быть исследование становления так называемого «правового сознания», т.е. всего того, что имеет дело с психологическим (на всех его уровнях, а не только уровне сознания) бытием объективного права в индивидуальном внутреннем мире личности, выявлением внутреннего механизма формирования личностной системы ценностей, одним из фундаментальных срезов которой выступают ценности правовые. Принципиальной важности остается и вопрос о субъективной феноменологии права, месте права в «жизненном мире» личности. Все эти аспекты единой задачи по созданию правовой персонологии объединяет единый и единственный «субъект права» – человек-юридический,

понимаемый нами как личность, что есть внутреннее измерение индивидуального человеческого Я, и, одновременно, как социальный индивид (правовое существо) – качество человека по отношению к обществу как социокультурной аксиологической системе организации и развития человека как рода и индивида в транс и кросскультурном пространстве-времени бытия [3]. И названные проблемы становятся далеко не схоластическими, как только мы соизмеряем их с реальным правовым бытием, когда в потоке трансформирующегося общества очевидным становятся факты падения авторитета права в индивидуальном и общественном сознании, общественном мнении и в решении практических дел, когда все более усиливается расцвет на власть, которая вновь воспринимается как едва ли не единственное средство обеспечения «необходимого правопорядка» и «строгой законности». Так где же кроются и каковы причины отказа человека в пользу власти, произвола и насилия, а не в пользу права с его ресурсами? В чем, если она есть, экзистенциальная драма нынешнего правового бытия, переживаемого не только нами, а смею полагать, всей европоцентрической цивилизации? Видимо, без выхода за пределы правового позитивизма и погружения в экзистенциальную социологическую и психологическую антропологию и персонологию нам ответить на эти вопросы не удастся.

Список використаних джерел:

1. Бесчастний В.М., Гребеньков Г.В. Українське правознавство в контексті кризового стану суспільства // Вісник Київського університету імені Шевченка. – № 22 (750) – С. 2-3
2. Ковлер А. И. Антропология права / А. И. Ковлер. – М. : Норма, 2000. – 480 с.
3. Гребеньков Г.В. Очерки по философии права: Монография / Г.В.Гребеньков; Донецкий юридический институт Луганского государственного университета им. Э.А. Дидоренко, 2009. – 216 с.

НОТАРІАТ І АДВОКАТУРА В УКРАЇНСЬКІЙ НЕОЛІБЕРАЛЬНІЙ ДЕРЖАВІ

Фурса С.Я.,

завідувач кафедри нотаріального та виконавчого процесу і адвокатури Київського національного університету імені Тараса Шевченка, доктор юридичних наук, професор

Фурса Є.І.,

кандидат юридичних наук, доцент кафедри цивільно-правових дисциплін Академії праці і соціальних відносин Федерації профспілок України

Не вдаючись до прискіпливого аналізу теорії неолібералізму, а також до визначення її основних критеріїв, зазначимо її головну тенденцію – вільний ринок і необмежена конкуренція є основним засобом забезпечення прогресу та досягнення соціальної справедливості, які можливі, перш за все, на основі економічного зростання [1]. Дана теорія цілком відповідає сучасним тенденціям в світовій економіці, коли капітали, не зважаючи на кордони, вільно перетікають з однієї країни до іншої і за такі капітали змагається переважна більшість країн, стимулюючи їх вкладання найменшими податками та іншими пільговими умовами. Зокрема, до таких пільг можна віднести й відсутність зайвих бюрократичних перешкод на шляху руху капіталів, до яких доволі часто відносять й обов'язкову нотаріальну форму посвідчення особливо важливих правочинів.

Останні відомості з Російської Федерації (надалі РФ) свідчать про те, що там на високому рівні має місце дискусія як серед науковців, так і широких верств фахівців щодо відновлення обов'язкової нотаріальної форми посвідчення правочинів. Озвучені умови відновлення обов'язкової нотаріальної форми мають зацікавити й українських фахівців, оскільки вони вважаються важливими й для тих країн, в яких така форма визнана обов'язковою, але ця